

Несколько замечаний о русском богемисте Сергее Никольском

Проблема вклада иностранной филологии в исследование отечественного языка и литературы, на мой взгляд, является одной из основных проблем в науке. В случае литературоведческой богемистики речь идет, например, о вкладе немецких, английских, польских, французских, русских и других исследователей, которые привносят в своем анализе собственный культурный, научный и методологический опыт, изучая иностранную литературу сквозь призму своей отечественной литературы. Однако при этом следует отметить, что, как правило, именно иностранные филологи-литературоведы, возможно, в силу врожденной вежливости и такта повторяют оценки нашего, чешского литературоведения, не желая вступать в дискуссии.

Судьба Сергея Никольского (1922–2015) является свидетельством того, что намного более плодотворным может оказаться самостоятельный, полностью независимый подход, максимально отличающийся от приемов и оценочных иерархий отечественной, в данном случае чешской богемистики. В 1950-е гг., разумеется, в результате счастливого случая, стечения обстоятельств и намеренных действий отдельных просвещенных чешских богемистов и чапековедов он посредством своего предисловия, оперативно переведенного на чешский и изданного отдельной брошюрой¹, поспособствовал реабилитации выдающегося писателя Карела Чапека. После выхода этой брошюры Чапек вновь стал

¹ См.: *Nikolskij S. V. Karel Čapek. Praha, 1952.*

избирательно публиковаться в Чехословакии, и таким образом запрет на издание его произведений, действовавший с 1948 г., был снят. Изначально речь шла о вступительной статье Никольского к избранным сочинениям Карела Чапека, которые вышли в 1950 г. в «Гослитиздате». Однако этим вклад Никольского в чапекведение не ограничивается. Он заново пересмотрел доминантные пласты творчества Карела Чапека и в последнее время использовал новые сравнительные и документальные подходы к произведениям Чапека и Гашека, превзойдя в этом в том числе и чешскую богемистику.

Никольский и другие русские богемисты служат примером незаменимости иностранной филологии в процессе изучения отечественных художественных произведений и в целом восприятия, интерпретации и оценки литературы как таковой. Среди его работ о Чапеке – статьи «Фантастические произведения Карела Чапека»² и «Карел Чапек – фантаст и сатирик»³, монографии «Роман Карела Чапека „Война с саламандрами“: структура и жанр»⁴ и «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов)»⁵. Он открыл и новые подходы к

² *Никольский С.В.* Фантастические произведения Карела Чапека // *Чапек К.* R.U.R. Средство Макропулоса. Война с саламандрами. Фантастические рассказы. М., 1966.

³ *Никольский С.В.* Карел Чапек – фантаст и сатирик // *Чапек К.* Фабрика Абсолюта. Белая болезнь. М., 1967.

⁴ *Никольский С.В.* Роман Карела Чапека «Война с саламандрами»: структура и жанр. М., 1968.

⁵ *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). М., 2001.

роману Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» в книге «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое»⁶.

В нашем журнале «Новая Русистика» в 2012 г. в честь 90-летия со дня рождения Никольского была опубликована выдержка из его книги о Чапеке, Булгакове и Гашеке под названием «Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей»⁷. Здесь характерен выбор исследователем именно этих чешских писателей. Оба относятся к канону мировой литературы и, несомненно, были первыми чешскими писателями с мировой славой. Кроме того, они обладали особыми визионерскими способностями. В то время как Ярослав Гашек, особыми узами связанный с Россией, подчеркивал чешскую реакцию на мировые катастрофы, Чапек сумел показать и будущие угрозы, что позволило мне в одной из своих статей охарактеризовать его как «аналитика угроз и катастроф». Знаатокам его творчества не надо напоминать, о чем идет речь и каких произведений это касается – по-моему, абсолютно всех, хотя в нескольких случаях, например, в романной трилогии или в «рассказах из карманов» это, скорее, присутствует в приглушенной форме. Именно Карел Чапек – та фигура, которая наиболее прочно связывает меня с Сергеем Никольским.

⁶ *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997. См. также нашу рецензию: *Pospíšil I. Zsvěcené knihy nestárnoucího bohemisty (Sergej Nikolskij) // Slavica Litteraria. X5. 2002. S. 123–124.*

⁷ *Никольский С.В.* Поэтика зашифрованных мотивов и параллельных семантических полей // Новая Русистика. № 1. 2012. С. 55–67.

Судьба Чапека как писателя странная. В 1910-е гг. его поколение утвердилось во главе новой чешской литературы, а сам Карел, прошедший уже несколько коротких стажировок в довоенных Париже и Берлине, вместе с его братом Йозефом стали самыми заметными авторами этой молодой литературы. Они, в отличие от предыдущих поколений, ориентировавшихся на позитивизм и немецкую философию воли Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, а в литературе – на скандинавскую драматургию Генрика Ибсена, особо выделяли теперь роль французского модернизма, т. е. декаданса и символизма. В годы Первой мировой войны, выражая свой особый протест против действий Центральных держав, Чапек переводил с французского поэтов-модернистов и затем издал свои переводы в антологии под названием «Французская поэзия нового времени»⁸. Ведущий представитель чешской поэзии последующего поколения Витезслав Незвал по случаю выхода второго издания этой книги в 1930-х гг. назвал ее «стержневым произведением», сформировавшим весь язык современной чешской поэзии. Оба брата Чапек, но главным образом, конечно, Карел, были новаторами чешской литературы, проявив себя во многих литературных родах и жанрах: в поэзии, лиризованной прозе, драматургии, научной фантастике, антиутопических романах-предостережениях.

⁸ *Čapek K. Francouzská poezie nové doby.* Praha, 1920.

Я не раз обращался к творчеству Карела Чапека в своих статьях, некоторые из них затем стали разделами в моих монографиях. В 1990 г. я познакомился с одной чешской эмигранткой, проживавшей в Англии, которую звали Богуслава Брэдбрук (Bohuslava Bradbrook, 1922–2019). В то время она, обеспокоенная тем, что самый популярный европейский писатель совсем не известен в США и в англосаксонском мире, начала работать над книгой о Чапеке. В Оксфорде мы в компании с ней, моей женой и младшим сыном встретились с преподававшим там английским богемистом Джеймсом Нотоном (James Naughton, 1950–2014), и в разговоре с нами он подчеркивал значение издания именно новых переводов на английский язык. Книга Б. Брэдбрук была опубликована в 1998 г., а несколько лет спустя, благодаря редактору Дане Покорной, вышла и в Праге в чешском переводе⁹.

В сравнительно далеком прошлом я занимался Чапеком лишь от случая к случаю в рамках литературной критики¹⁰, в

⁹ *Bradbrook B.* Karel Čapek. In Pursuit of Truth, Tolerance, and Trust. Brighton, 1998; *Bradbrooková B.* Karel Čapek. Hledání pravdy, poctivosti a pokory. Praha, 2005.

¹⁰ *Pospíšil I.* Jedna česko-ruská literární spirála (Dostojevskij – Čapek – Těndrjakov) // Československá rusistika. Č. 5. 1990. S. 257–265; *Pospíšil I.* Genologie a proměny literatury. Spisy Masarykovy univerzity v Brně. Filozofická fakulta. Č. 319. Brno, 1998; *Pospíšil I.* Два полюса бытия: англо-американский эмпиризм-прагматизм и «русская тема» у Карела Чапека // *Związki między literaturami narodów słowiańskich w XIX i XX wieku.* Lublin, 1999. S. 225–233; *Pospíšil I.* Potíže s Karlem Čapkem // *Studie z literárněvědné slavistiky.* Brno, 1999. S. 94–100; *Pospíšil I.* Karel Čapek – przypadek prawie zapomnianego mistrza człowieczeństwa i tolerancji // *Dyskursy i przestrzenie (nie)TOLERANCJI.*

конце 1980-х гг. опубликовал статью и в присутствии знаменитого словацкого компаративиста Диониза Дюришина (он тогда возглавлял исследовательский коллектив, членом которого я также являлся) прочел в Брно доклад о Кареле Чапеке, где рассматривал его творчество на фоне повести В. Тендрякова «Шестьдесят свечей» (1980), в которой тот цитирует рассказ Чапека «Покушение на убийство» из «Рассказов из одного кармана».

Карел Чапек потрясающим образом предугадывал различные угрозы: кроме усиления врожденного человеческого эгоизма, антигуманизма, геноцида, корыстолюбия это и тенденция человечества к самоуничтожению и утрате инстинкта самосохранения, что ощущается уже в его ранних пьесах, например, «Из жизни насекомых». Произведения, которые мы сейчас называем литературой угроз и катастроф, являются и у К. Чапека результатом ужасного кризиса и разрухи под влиянием войны или его размышлений о царящем вокруг безмерном человеческом эгоизме и обострившемся конфликте поколений. От идеалов и иллюзий шиллеровской драмы «Разбойник» или «Адам-творец» путь Чапека лежит к антиутопическим произведениям, таким как, например, «R.U.R.», «Фабрика Абсолюта» или «Кракатит». Думается, что вершиной этой главной линии его творчества является роман

Łódź, 2008. S. 109-118; *Pospíšil I.* Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych // *Primerjalna književnost. Letnik 33. Št. 1.* Ljubljana, junij 2010. S. 131-142.

«Война с саламандрами» (1936), представивший ужасающую картину истребления человечества, которое само виновно в этой катастрофе.

Сергей Никольский своим тонким чутьем знатока литературы увидел все вышеупомянутые сильные стороны писателя и, таким образом, утвердил его вневременное значение.